

Переводы

ПОЛ ВЕНЦЕЛЬ ГЕЙССЛЕР

Кафедра социальной антропологии, Университет Осло, Осло, Норвегия

ORCID: 0000-0003-4724-5593

ЭНН Х. КЕЛЛИ

Департамент глобального здравоохранения и социальной медицины,
Королевский колледж Лондона, Лондон, Великобритания

ORCID: 0000-0003-4658-2133

Дом науки: жизнь и времена тропических и полярных полевых станций

282

doi: 10.22394/2074-0492-2021-3-272-297

Резюме:

Полевой стационар, являясь переходным пунктом между унифицированным и очищенным пространством лаборатории и многообразными и уникальными пространствами «поля», представляет собой контролируемое, но четко не очерченное место, где можно получить доступ к природе и к ней «прикрепиться». Будучи жильем для приезжих ученых, полевые станции включены как в рутину и ритм повседневной жизни, так и в долгие циклы проживания, ветшания и восстановления. В этой статье рассматривается эмпирическое и концептуальное значения полевых станций в тропических и полярных широтах в качестве мест для научной работы и жизни ученых. Экстерриториальный, но в то же время домашний характер полевой станции влияет на достоверность знаний и их распространение вдоль фронта науки. Задача создания дома в экстремальном поле, повседневный опыт экспатриа-

Настоящая статья является переводом расширенного введения к специальному выпуску журнала *Social Studies of Science* (№ 6 за 2016 год), посвященному полевым станциям в тропических и полярных районах. Перевод выполнен Дарьей Гусевой, Артемом Космарским и Марией Фигурой под редакцией Ивана Напреенко по: Geissler P. W., Kelly A. H. (2016) A home for science: The life and times of Tropical and Polar field stations. *Social Studies of Science*, 46 (6): 797-808. Публикуется с любезного разрешения авторов.

ции и апроприации определяют особую политическую динамику производства знания в этих местах. Обращаясь к полевым станциям, мы фокусируем внимание на образах природы и науки, которые питают транснациональные исследования и раскрывают эстетические и эмоциональные аспекты работы и жизни в этих далеких домах науки.

Ключевые слова: эстетика, аффект, домашняя жизнь, полевые станции, полевая работа, полярный/тропический, постколониальность

Арктика/Антарктика и тропики

Полярные регионы и тропики представляют собой совершенно разные пространства природы, покорения и игры воображения [Anderson, Berglund 2002; Anderson, Nuttall 2003; Hastrup 2013a; Redfield 2000]. Эти пейзажи (противоположные, в равной степени крайние) часто проникали в имперское воображаемое Запада посредством экспедиций, а с какого-то момента и научных баз-убежищ, т. е. полевых исследовательских станций [Cannon 1978; Galison, Thompson 1999]. На полевой станции перевалочный пункт доминирует над лабораторией, разведка — над ритмами домашней жизни, изыскание — над выживанием [Kuklick, Köhler 1996; Mitman 1996]; это место, которое приносит жизнь на далекие маршруты научных путешествий; здесь проводят рекогносцировку и апроприацию, переживают приключения и прячутся [Bravo, Söglin 2002]. Базовое свойство полевых станций — экстерриториальность, поскольку они принадлежат академическим учреждениям, расположенным в исторических центрах исследований и завоеваний, науки и империи. Их отношения с местным населением воспроизводят исторически сложившуюся асимметрию эпистемологической, культурной и политической власти. И в то же время они буквально находятся в поле — там, откуда исходят опасности, трудности, желания, удовольствия и новые степени свободы [Herzig 2005; Nielsen et al. 2012].

Называя полевую станцию домом науки, мы одновременно указываем на три ее функции: место жительства ученых, укрытие от опасностей дикой природы и местных жителей, убежища, где скрываются от проблем больших городов. Станция-как-дом исторически служила для расширения территориальных претензий и реализации имперских и гуманитарных программ как аванпост, откуда можно измерять, описывать, контролировать и развивать непокоренные территории [ср. Carter 2010 (1987); Mitchell 2002]. Архитектура, обстановка, строение и декор смешивают ностальгию экспатриантов с представлениями о господстве, оборонительные функции — с живописными природными видами, которые открываются прямо за порогом станции [Didug 2013].

Дом также обеспечивает исследователям важную точку доступа к тому, что отвечает особому интересу полевых наук, не усиливая привычного противопоставления поля и лаборатории. Опираясь на различные кейсы из экстремальных регионов, где полевые станции служат базами для научных исследований, авторы статей в этом специальном номере предлагают насыщенное описание отношений между объектами и субъектами исследования, местами науки, центрами политической власти и пространствами повседневной жизни. Эти описания расширяют круг вопросов, выходя за рамки обычных дихотомий управляемого и неприрученного, искусственного и естественного, очищенного и загрязненного, абстрактного и практического, опыта (experience) и эксперимента [Heggie 2014]. Говоря о полевой станции как об обитаемом пространстве, мы преодолеваем дискурсивные и концептуальные расхождения, мешающие диалогу и ведению совместных исследований на окраинных территориях Севера и Юга. Ученые, работающие в тропиках, скорее фокусируются на политических аспектах научной работы, связанных с колониальной историей и расовой проблематикой [Anderson 2009; Fairhead et al. 2006; Geissler 2015; Geissler et al. 2016; Schumaker 2001; Tilley 2011], или склонны делать акцент на этике исследований и противоречивых требованиях общественности — запросах, которые лежат в основе «повышения информированности сообщества» крестьянской бедноты, участвующей в исследованиях, «наращивании потенциала» африканских ученых и программ «вовлечения местных сообществ», реализуемых через СМИ и школы [Crane 2011; Geissler, Molyneux 2011; Graboyes 2015; Kelly, Geissler 2011; Moyi Okwaro, Geissler 2015]. Исследователи полярных территорий выдвигают на первый план геополитические конфликты за ресурсы и транспортные пути, поднимают вопросы выживания нашей планеты и исследуют потенциал коренного населения для совместного производства знания в контексте климатологии, экологической политики или добычи ресурсов [Bodenhorn 2012; Bravo, Rees 2006; O'Reilly 2016; Palsson, Hujbena 2009].

Сопоставление полярных и тропических полевых станций позволяет посмотреть свежим взглядом на роль науки в борьбе за территории, на экономическое неравенство участников исследовательских работ, на историю природоохранных практик и будущее управления ресурсами, а также на обещания и вызовы технологических инноваций, предназначенных для борьбы с климатическим и эпидемиологическим кризисом. Размещение двухъярусных кроватей и велосипедов в высокогорных лабораториях [Heggie 2016], обмен биоматериалами между врачами и исследователями в больницах Папуа-Новой Гвинеи [Street 2016] — разбор кейсов в этом номере

уделяет равное внимание материальному и символическому пространству полевых станций.

Дом вдали от дома

Вопрос, как конкретные физические условия обеспечивают стабильность и распространение научных фактов, давно стал излюбленным предметом STS [Henke, Gieryn 2008; Latour, Woolgar 1986; Livingstone 2010; Raj, 2007; Schaffer, 1997; Seth, 2009]. Знаковым местом для подобной историографии стал Арундел-хаус, место собраний Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе в конце XVII в. Социальный характер здания и, что особенно важно, социальный статус тех, кто там жил, сыграли центральную роль в формировании доверия к экспериментальным результатам новой науки — в эпоху, когда лишь немногие люди могли лично присутствовать при экспериментах. Как хорошо показал Стивен Шейпин [Shapin, 1988: 387], нормы приличия частной сферы обеспечили успешный переход индивидуальных наблюдений в коллективные убеждения, превратив конкретную материальную обстановку в средство для производства универсальных истин.

285

Авторитет полевой станции принадлежит иному порядку. С одной стороны, ее власть над истиной проистекает из близости к реальности. Будучи окном в природу [Kohler, 2002: 220], станции часто действуют как представители более масштабной среды. Например, африканская саванна была запечатлена в микрокосме полевой станции в Ламто, Кот-д'Ивуар, которой посвящена работа Гийома Лашналя [Lachenal 2016]. Лашналь напоминает, что африканская природа, репрезентированная станцией в Ламто, — это колониальный конструктор, созданный ностальгическим представлением о первобытной дикой природе, ландшафте, который был одновременно опасным и нуждающимся в защите [Fairhead, Leach 1996; Mitman 1996]. Получить доступ к такой природе не только вопрос социального статуса, но и страстной решимости. Исследования направляли дух приключений, мечту о побеге, чувство научного призвания и долг перед родиной.

Вместе с тем эмпирическое «сцепление» станций-домов зависит от их способности поддерживать определенный градус сепарации от поля, который позволяет получить выгодную позицию для описания реальности. Ламто оказался местом мечты для ученых именно потому, что он служил «анклавом современности, как если бы большая наука десантировалась на парашюте в самом сердце африканского буша». Производительность этой и других полевых станций зависит от хрупкого компромисса между погружением и наблюдением, компромисса, следы которого нередко заметны в подразделах

«Материал и методы» в статьях, написанных на основе собранных на станциях данных. Это равновесие также чувствуется в воспоминаниях исследователей, которые провели значительную часть трудовой биографии на подобных форпостах науки [Spufford 2010; Geissler, Kelly 2016; Heggie 2016].

В подобных воспоминаниях, а также в многочисленных фотодокументах, которые часто присутствуют в книгах и статьях XIX в. [Geissler, Kelly 2016], отстраненность и нейтральность, на которые опирается научная универсальность, компенсируются тщательным вниманием к местным особенностям, значению полевых объектов и полевой работы для ученых. Напряжение между близостью и удаленностью, внутренне присущее исследованиям на полевых станциях, носит в высшей степени эстетический и аффективный характер. Полевая станция как плацдарм в неизвестность наделена сочетанием красоты и хрупкости, которое создает радостное возбуждение, формирующее личность исследователя-в-поле.

То, как исследователь сам становится научным инструментом, рассматривается в разных статьях. Идет ли речь об изучении почв под палящим солнцем саванны или ледяных кернов при свете фонарей в ледниковых трещинах, авторы материалов этого номера говорят о том, что превращение человека в инструмент оказывается ключевым моментом в процессе производства знания и актуализации исследователя в качестве ученого. Проведенный Ванессой Хегги анализ альпийских исследований показывает, что пространственные границы станции — маленькой хижины на краю горы — ускоряют методологические эксперименты, заставляя исследователей тестировать ограничения собственной физиологии. Наше наблюдение за отловом комаров «на живца» поднимает вопрос об этике тела-как-инструмента [Geissler, Kelly 2016]. Для приматологов, работающих в экваториальных тропических лесах, о которых говорится в статье Лис Алкайна-Стивенс, прогулки по тропкам из поля в чащу наполняют жизнью их научные озарения [Alcayna-Stevens, 2016]. Привыкание зависит от сенсорной открытости ландшафту, опыта, ради которого «работающие в поле ученые часто готовы отказаться от систематических, воспроизводимых и жестко контролируемых экспериментальных исследований». Экологическая валидность, утверждает Алкайна-Стивенс, возникает через эмоции и привязанность, развитие «мышечного сознания», настроенного на проживаемую сложность поля. Оценка исследовательницей неявных и субъективных аспектов работы приматологов и получения достоверных научных данных заставляет задуматься о важности рассеянного внимания и распределенной научной сенситивности, которые актуализируются в науке, непосредственно проживаемой на полевых станциях.

Освещая телесные практики сбора данных и проведения экспериментов, эти статьи указывают на интимное измерение одомашнивания. Полевая станция как *domus* особого рода создает зоны для совместной жизни людей и ландшафта, ученых и работников из числа местных жителей. Трансформации природы — ледников, насекомых, северных оленей, солнечных бурь, паразитов, больных тел — в эпистемические объекты (и, как мы увидим ниже, в моральные силы и экономические ресурсы) влекут за собой не только господство над темной, нетронутой или просто неудобной дикой природой, но и запускают новые и непредсказуемые формы контакта между людьми и их окружением. То, как полевая станция помещает пересечения природы и культуры в повседневные практики, говорит об одомашнивании, основанном не на контроле, а на сожительстве. Расширяя традиционную антропологическую увлеченность интерсубъективностью полевой работы, эти статьи продолжают раскрывать аффективное измерение естественных наук [Campbell 1999; Candea 2010; Myers 2008].

Образы фронта

287

Поскольку полевая станция одновременно включена в поле и связана с далеким мегаполисом, ее пространственность не ограничивается архитектурой конкретных зданий или иными материальными условиями производства знания. Место науки, как показал Линч [Lynch, 1991, p. 74], «определяется локально организованными актуальными контекстами», а не только физическими условиями, в которых функционирует наука. В работе полярных и тропических полевых станций важнейшая топология определяется отношениями центра и периферии — воображаемым фронтиром, которое связывает научные открытия с территориальной экспансией империи. «Типично французская институция, — пишет Лашналь (2016) о станции Ламто, — сыграла ключевую роль в превращении бывших колоний в продолжение домашнего пространства Франции». Тщательно облагороженные окрестности Аmani в Танзании перемещали работающих там африканских и европейских ученых в «пересаженный уголок английского парка» [Geissler, Kelly 2016]. Точно так же гляциологи обустраивают быт на материковых ледниках в спокойной обстановке датского дизайнера и хюгге [Skrydstrup, 2016].

Таким образом, полевые станции и проводимые с их помощью исследования не только репрезентируют конкретные ландшафты, но и усиливают суверенные притязания государств. В фокусе внимания Робертса и Пальи (2016) находится эмпирическая артикуляция понятия «родины» на материале притязаний Норвегии на ме-

ждународный центр арктических и антарктических исследований на Шпицбергене. Анализируя последовательные описания этой *terra nullius* норвежскими и шведскими географами, картографами, зоологами и геологами, а также дипломатические последствия и культурные контуры этих описаний, Робертс и Палья прослеживают взаимное производство нации и ее природы. Помимо эмпирических нарративов, которые произведены описаниями, легитимации власти Норвегии над архипелагом способствуют практики повседневного управления научной инфраструктурой Шпицбергена, организация снабжения и регулирование коммерческой деятельности. Этот процесс воспитывает не только чувство собственности, но и ответственности за развитие знаний и защиту окружающей среды. Суверенные права Норвегии как проекция мест науки служат подтверждением прогрессивных идеалов нации.

288

Сегодня на Шпицбергене действует множество отдельных исследовательских программ разных государств, что четко указывает на совпадение научного конструирования принадлежности с космополитическим этосом. Коллективная решимость особенно заметна в связи с изменением климата: арктические полевые станции сейчас в большей степени, чем когда-либо, являются местами, где проводятся исследования на благо человечества [Crate, Nuttall 2009; Nastrup 2013b]. Этнография лагеря NEEM [Skrydstrup 2016], расположенного на гренландском ледниковом щите, показывает, как эта глобальная образность материализуется в архитектуре и планировке станции: геодезическом куполе, буровых каналах и аллее национальных флагов. Опираясь на сферологию Петера Слотердайка, Скридstrup показывает, как материальная культура воспитывает чувство сплоченности, противопоставленное размыкающей и угрожающей внешней среде, и при этом сохраняет разделение между социальной и экспериментальной жизнью на леднике. Отдельные научные контексты не вступают в противоречие, но, напротив, вместе выражают то, что означает «быть частью коллектива и нести ответственность за его научные успехи» [Skrydstrup 2016].

Скридstrup понимает сферический символизм полевой станции как образ космоса и архетип всемирной научной республики. Исследования, проводимые на полевых станциях в тропиках, по-другому представляют отношения между наукой, обществом, природой, этикой и эстетикой (независимо от того, что именно там изучают), но в обеих средах полевая станция действует как ключевой механизм для проецирования глобальной образности. Повседневная работа в поле позволяет не только прожить глобальное, но и повлиять на него множеством способов. Совмещение далеких ландшафтов и их обитателей превращает места изолированной чи-

стоты в гетерогенные аффективно неопределенные палимпсесты, будь то космополитичный уют комнаты отдыха на гренландском ледовом щите [Skrydstrup 2016] или дух типично английского дома с садом на станции Амани в Танзании [Geissler, Kelly 2016].

Прежде всего, эти работы показывают, как полевые станции прикрепляют экологические и эпидемиологические проблемы к конкретным локациям. Взаимодействие отдельных ученых с объектами знания происходит в различных местах и охватывает весь земной шар, побуждая задуматься о науке и ее масштабах, о структуре научной общественности и географии ответственности науки [Massey 2004]. Полевые станции — это еще и место для определения, защиты и улучшения будущего планеты. Как замечают Робертс и Палья [Roberts, Paglia 2016], «реализация научной власти создала представление о том, каким пространством является Шпицберген, но также и описание того, каким он *должен быть*».

Проблемное гостеприимство

Ни один коренной народ не называет Шпицберген родиной. Натурализация архипелага в качестве части «географического тела Норвегии» заложена в научных описаниях и государственной политике [Roberts, Paglia 2016]. То же самое можно сказать и о ледовом щите Гренландии [Skrydstup 2016], хотя и в этих случаях конструирование пустого пространства требует исторической зачистки, например, от голландских китобоев и русских охотников за пушниной на Шпицбергене. В других кейсах, описанных в этом номере, социальная разьединенность станции и поля еще более очевидно выдумана. Лесистые горы, где расположена станция Амани, были заселены прежде, чем эту территорию аннексировали колониальные миссионеры, чайные плантаторы и, наконец, ученые. Первозданная пустота, к которой стремились европейские исследователи (и которую с меньшим энтузиазмом продолжали сносить их танзанийские преемники), остается предметом политического спора [Geissler et al. 2016]. Похожие процессы происходят и в других колониальных конструктах естественной пустоты: от саванны Ламто до конголезского леса.

В других кейсах полевые станции нередко возникают внутри локальных сообществ, рядом с ними, а порой и поверх них. Взаимные обязательства ученых и их соседей из числа коренного населения часто отягощаются колониальным прошлым станций: говорим ли мы о дележе Африки в XIX в. или об экспансии России и США в северном полушарии, научные изыскания неразрывно связаны с имперскими завоеваниями. И хотя работа на полевых станциях зачастую геополитически ориентирована, перевод геополитиче-

ских целей в специфику мест способствует подрыву привычных нарративов доминирования и исключения [Kelly 2016; Martin 2013; Pollock 2014; Schaffer 1994; Tilley 2011].

Поиск знаний можно описать в терминах будущей прибыли, но оно всегда опосредовано повседневными практиками обмена и реципрокности: деликатными переговорами об использовании земли и рабочей силы, гостеприимством, которое оказывают друг друга приезжие ученые и коренное население, и т. д. [Anderson 2009; Bodenhorn 2012; Geissler, Molyneux 2011; Kelly 2012]. Как показывает ряд статей в этом номере, исследования на полевых станциях часто связаны с различными выгодами. Они могут принимать форму долгосрочных эпистемологических или экономических достижений науки или иметь отношение к повседневности станции, будь то трудоустройство, обучение, медицинские услуги, обслуживание дорог и электрических сетей [Geissler, Kelly, 2016; Heggie, 2016; Lachenaal, 2016; Kelly, Geissler, 2011].

290

Интересна в этом отношении статья Элис Стрит [Street 2016]. Исследуя, как наука находит свое место в государственной больнице в Папуа-Новой Гвинее, Стрит отмечает, что импорт дорогостоящего высокотехнологичного оборудования «материализует старые неравенства, вселяя недовольство в персонал больницы». Рассказывая о попытках ученого организовать проект, о безрезультатных усилиях, затраченных на получение инструментов и образцов, на вербовку необходимых для работы добровольцев, Стрит помогает нам лучше понять, как работает власть в глобальных исследованиях здоровья. Поиск дома науки внутри больницы — это бесконечный и хрупкий процесс переговоров.

В кейсе, который рассматривает Стрит, полевая станция оказывается не просто физически существующим строением, а «перекрестной штриховкой» медицинской и научной инфраструктур, «двуместным проживанием» в учреждении, содержащем множество эпистемологических генеалогий. Как пишет Стрит, чтобы создать «поле», ученый должен поддерживать отношения с теми, для кого это поле является домом; «чтобы обеспечить научную деятельность жильем, ученые-гости должны показать свою зависимость от хозяев. Если всерьез воспринимать роль гостеприимства в производстве знаний, мы должны переосмыслить этику научных исследований как хрупкий баланс взаимозависимости, а не компромисс между выгодой и риском».

Время дома

Полевые станции представляются островами в географическом пространстве не в меньшей степени, чем островами во времени:

здесь господствует темпоральность природы, сопоставимая с самыми базовыми человеческими ритмами сна и питания, освобожденная от скорости и стресса современной городской жизни и труда на фабриках и в офисах. Станция дает ученому точку обзора, откуда он может уделять внимание темпоральностям, превосходящим человеческий опыт, — эволюции, экологии, изменению климата, медленным ритмам формирования осадочных пород, тектоническим процессам, размножению и росту растений. Тропические и полярные станции дают обзорную точку для созерцательного и спокойного наблюдения, научной безмятежности, которая всегда поддерживалась насильственными преобразованиями империй, основанных на устойчивом глобальном неравенстве власти и ресурсов, пронизанном научными амбициями частных лиц и целых государств. Подобно пространственным переплетениям станции и поля, бытие-во-времени полевой станции характеризуется многослойностью, но вместе с тем стремлением к очищению. Разделяя иллюзию вневременной удаленности, полярные и тропические станции обычно по-разному позиционируют себя в темпоральности политической. Тропические станции, такие как Аmani и Ламто, по-прежнему фреймированы следами борьбы с колонизацией, расовой эксплуатацией и империалистическим порядком. И напротив, арктические станции часто пронизаны образами грядущей борьбы, геополитических конфликтов из-за ресурсов, доступа к земле — конфликтов, о которых практика научных исследований не напоминает, но служит им предвестником.

Наконец, полевые станции в их классической форме, описанной в большей части материалов этого номера, принадлежат прошлому; уже не являясь «неотъемлемой частью современного научного исследования» [Benson 2009: 89], они рискуют выйти из научной моды [Schubel 2015]. Они ассоциируются с особым историческим периодом между серединой XIX и концом XX в., они зажаты между своими предшественниками — экспедициям, ученым на кораблях — и преемниками, принявшими форму сетей дистанционного зондирования и глобального мониторинга. Многие полевые станции лежат в руинах. Но даже те, которые продолжают функционировать и развиваться, постоянно строятся, меняются и трансформируются, разрушаются и восстанавливаются и, таким образом, всегда тяготеют к прошлому, служа, скорее, как архивы и следы, чем локации на переднем крае научного прогресса, направленного к грядущим открытиям.

Устойчивость полевых станций перед лицом времени, в циклах распада и ветшания, обновления, рециклирования и накопления мусора позволяет увидеть научную темпоральность скорее фрагментированной, чем линейно развивающейся. Она обнаруживает,

что научный аффект коммеморативен и ностальгичен не в меньшей степени, чем ориентирован на будущее [Droney 2014; Geissler et al. 2016, Tousignant 2013].

Заключение

Материалы в этом специальном номере развивают канонические для STS вопросы о связи науки и места. В частности, придание исторической и эмпирической глубины повседневной жизни полярных и тропических полевых станций выдвигает на первый план эстетические и аффективные измерения исследований: домашний уют и тоску по дому, экспатриацию и присвоение, которые связаны с поиском места науки в поле [Larsen 2011; Oreskes 1996]. Как сказала Симона Вейль [2008 (1947): 103], если одиночество «наедине со всего лишь материей (даже если это небо, звезды, луна, деревья в цвету)» делает возможным «высшее напряжение внимания», то уединение на исследовательской станции и полевая работа в ее окрестностях обеспечивают особенную интенсивность научных исследований. Речь не только о точном наблюдении, но и о расфокусировке и расширении восприятия, о внимательности к тому, что присутствует, и к тому, чего нет (еще или уже нет), в форме мотивирующих видений, которые продолжают научный телос; о рассеянности и мечтательности, вписывающих иные места в ландшафт поля, населяющих его отсутствующими актерами или фигурами прошлого, о движении по их следам [Daston, Limbeck, 2011; Geissler et al. 2016: 22]. В повседневных желаниях, в ожидании и тоске, которые всегда являются частью выстроенных форм рационального исследования, продолжает жить наследие натурфилософии и романтизма, в которых сочетались проницательный взгляд на материальный мир и стремление к побегу и трансценденции [Cunningham, Jardine 1990]. Такого рода аффективная многослойность естественно-научных полевых станций также делает их особенно провокативными для этнографов науки, проводящих партиципаторные исследования. Если лаборатории часто ограничивают роль этнографа позицией «наивного наблюдателя» [Latour, Woolgar 1986], то исследовательские станции позволяют представителям естественных и социальных наук жить вместе. Интимность, сопутствующая совместному проживанию, будь то приготовление и прием пищи или ожидание очереди в душ, персонализирует научную работу, что зачастую повышает интерес и вовлеченность в практику. Это также ставит неудобные методологические вопросы о границах полевой работы (где кончается одно поле и начинается другое) и выдвигает проблему опыта и субъективности на передний план.

Наконец, опыт создания дома-науки вместе с учеными в поле усиливает многогранность станции: это не только дом и лаборатория, но и сцена [Pearson, 2004]. Станции проецируют специфические образы, вписанные в их архитектуру и дизайн. Конституирование поля требует постоянной инсценировки и реинсценировки [(re)enactment] в интересах коллег и ассистентов, глобальных и национальных аудиторий, местных соседей и важных посетителей, будь то прием высокопоставленных иностранных гостей на Шпицбергене, застенчивое изучение приматов на глазах аборигенов тропических лесов или демонстрация серьезной научной работы африканским техникам-стажерам в Танзании. Именно эта перформативность науки, проявляющаяся в семейной обстановке исследовательской станции, побуждает антропологов разрабатывать собственные экспериментальные методы, инсценировать и реинсценировать воспоминания и вымыслы (как это делают Гейсслер, Келли и некоторые другие авторы этого специального номера, когда реинсценируют научную работу), привлекать художников и учиться их способам видеть поле и пребывать в нем. Полевые станции привлекают внимание к эстетическим и аффективным измерениям научного производства, которыми обычно пренебрегают, дают начало новым методологическим перформативным и экспериментальным подходам, опирающимся на совместное проживание и интимно-личные отношения. Тем самым они открывают новые территории для социологических исследований науки.

293

Библиография / References

- Alcayna-Stevens L. (2016) Habituating field scientists. *Social Studies of Science*, 46 (6): 833-853.
- Anderson D. G., Berglund E. (2002) *Ethnographies of Conservation: Environmentalism and the Distribution of Privilege*, Oxford: Berghahn Press.
- Anderson D. G., Nuttall M. (2003) *Cultivating Arctic Landscapes: Knowing and Managing Animals in the Circumpolar North*, Oxford: Berghahn Press.
- Anderson W. (2009) From subjugated knowledge to conjugated subjects: Science and globalisation, or postcolonial studies of science? *Postcolonial Studies*, 12 (4): 389-400.
- Benson K. (2009) Field stations and surveys. P. J. Bowler, J. V. Pickstone (eds) *The Cambridge History of Science*, vol. 6, Cambridge: Cambridge University Press: 76-89.
- Bodenhorn B. (2012) Meeting minds; encountering worlds: Sciences and other expertises on the North Slope of Alaska. M. Konrad (ed.) *Collaborators Collaborating: Counterparts in Anthropological Knowledge and International Research Relations*, New York: Berghahn Press: 225-244.
- Bravo M., Rees G. (2006) Cryo-politics: Environmental security and the future of Arctic navigation. *Brown Journal of World Affairs*, 13 (1): 205-215.

Bravo M., Sörlin S. (2002) *Narrating the Arctic: A Cultural History of Nordic Scientific Practices*, Canton, OH: Science History Publications.

Campbell M. B. (1999) *Wonder and Science: Imagining Worlds in Early Modern Europe*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Candea M. (2010) 'I fell in love with Carlos the meerkat': Engagement and detachment in human animal relations. *American Ethnologist*, 37 (2): 241-258.

Cannon S. F. (1978) *Science in Culture: The Early Victorian Period*, Folkestone: Dawson Publishing.

Carter P. (2010 [1987]) *The Road to Botany Bay: An Exploration of Landscape and History*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Crane J. (2011) Scrambling for Africa? Universities and global health. *The Lancet*, 377 (9775): 1388-1390.

Crate S. A., Nuttall M. N. (2009) *Anthropology and Climate Change: From Encounters to Actions*, Walnut Creek, CA: Left Coast Press.

Cunningham A., Jardine N. (eds) (1990) *Romanticism and the Sciences*, Cambridge: Cambridge University Press.

Daston L., Lunbeck E. (eds) (2011) *Histories of Scientific Observation*, Chicago, IL: University of Chicago Press.

294 Didur J. (2013) Guns & Roses: Reading the picturesque archive in Anita Desai's *Fire on the Mountain*. *Textual Practice*, 27 (3): 499-522.

Dronney D. (2014) Ironies of laboratory work during Ghana's second age of optimism. *Cultural Anthropology*, 29 (2): 363-384.

Fairhead J., Leach M. (1996) *Misreading the African landscape: Society and Ecology in a Forest-Savannah Mosaic*, Cambridge: Cambridge University Press.

Fairhead J., Leach M., Small M. (2006) Where techno-science meets poverty: Medical research and the economy of blood in The Gambia, West Africa. *Social Science & Medicine*, 63 (4): 1109-1120.

Galison P., Thompson E. (1999) *The Architecture of Science*, Cambridge, MA: MIT Press.

Geissler P. W. (2015) What future remains? Remembering an African place of science. P. W. Geissler (ed.) *Para-States and Medical Science: Making Global Health in Africa*, Durham, NC: Duke University Press: 142-178.

Geissler P. W., Kelly A. (2016) Field station as stage: Re-enacting scientific work and life in Amani, Tanzania. *Social Studies of Science*, 46 (6): 912-937.

Geissler P. W., Molyneux S. (2011) *Evidence, Ethos and Experiment: The Anthropology and History of Medical Research in Africa*, Oxford: Berghahn Press.

Geissler P. W., Lachenal G., Manton J. et al. (2016) *Traces of the Future: An Archaeology of Medical Science in Twenty First Century Africa*, Bristol: Intellect.

Graboyes M. (2015) *The Experiment Must Continue: Medical Research and Ethics in East Africa, 1940-2014*, Athens: Ohio University Press.

Hastrup K. (2013a) Andaman Islanders and Polar Eskimos: Emergent ethnographic subjects c. 1900. *Journal of the British Academy*, 1: 3-30.

- Hastrup K. (2013b) Scales of attention in fieldwork: Global connections and local concerns in the Arctic. *Ethnography*, 14 (2): 145-164.
- Heggie V. (2014) Why isn't exploration a science? *Isis*, 105 (2): 318-334.
- Heggie V. (2016) Higher and colder: The success and failure of boundaries in high altitude and Antarctic research stations. *Social Studies of Science*, 46 (6): 809-832.
- Henke C. R., Gieryn T. F. (2008) Sites of scientific practice: The enduring importance of place. E. J. Hackett, O. Amsterdamska M. Lynch et al. (eds) *The Handbook of Science and Technology Studies*, 2nd ed., Cambridge, MA: MIT Press: 353-376.
- Herzig R. M. (2005) *Suffering for Science: Reason and Sacrifice in Modern America*, New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Kelly A. H. (2012) The experimental hut: Hosting vectors. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 18: 145-160.
- Kelly A. H. (2016) Seeing cellular debris, remembering a Soviet method. *Visual Anthropology*, 29 (2): 133-158.
- Kelly A. H., Geissler P. W. (2011) The value of transnational medical research. *Journal of Cultural Economy*, 4 (1): 3-10.
- Kohler R. E. (2002) *Landscapes and Labscapes: Exploring the Lab-Field Border in Biology*, Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Kuklick H., Kohler R. E. (1996) Introduction: Science in the field. *Osiris*, 11:1-14.
- Lachenal G. (2016) At home in the postcolony: Ecology, empire and domesticity at the Lamto field station, Ivory Coast. *Social Studies of Science*, 877-893.
- Larsen E. J. (2011) *An Empire of Ice: Scott, Shackleton, and the Heroic Age of Antarctic Science*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, 2nd ed., Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Livingstone D. N. (2010) *Putting Science in its Place: Geographies of Scientific Knowledge*, Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Lynch M. (1991) Laboratory space and the technological complex: An investigation of topical contextures. *Science in Context*, 4 (1): 51-78.
- Martin E. (2013) The potentiality of ethnography and the limits of affect theory. *Current Anthropology*, 54 (S7): 149-158.
- Massey D. (2004) Geographies of responsibility. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 86 (1): 5-18.
- Mitchell W. T. (2002) *Landscape and Power*, Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Mitman G. (1996) When nature is the zoo: Vision and power in the art and science of natural history. *Osiris*, 11: 117-143.
- Moyi Okwaro F., Geissler P. W. (2015) In/dependent collaborations: Perceptions and experiences of African scientists in transnational HIV research. *Medical Anthropology Quarterly*, 29 (4): 492-511.
- Myers N. (2008) Molecular embodiments and the body-work of modeling in protein crystallography. *Social Studies of Science*, 38 (2): 163-199.

Nielsen K. H., Harbsmeier M., Ries C. (2012) *Scientists and Scholars in the Field: Studies in the History of Fieldwork and Expeditions*, Aarhus: Aarhus University Press.

O'Reilly J. (2016) Sensing the ice: Field science, models, and expert intimacy with knowledge. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 22 (S1): 27-45.

Oreskes N. (1996) Objectivity or heroism? On the invisibility of women in science. *Osiris*, 11: 87-113.

Palsson G., Hujbens EH (2009) The bog in our brain and bowels: The social attitudes to the cartography of Icelandic wetlands. *Environment and Planning D: Society and Space*, 21: 296-316.

Pearson M. (2004) 'No joke in in petticoats': British Polar expeditions and their theatrical presentations. *TDR*, 48 (1): 44-59.

Pollock A. (2014) Places of pharmaceutical knowledge-making: Global health, post-colonial science, and hope in South African drug discovery. *Social Studies of Science*, 44 (6): 848-873.

Raj K. (2007) *Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650-1900*, London: Palgrave MacMillan.

Redfield P. (2000) *Space in the Tropics: From Convicts to Rockets in French Guiana*, Berkeley, CA: University of California Press.

296

Redfield P. (2002) The half-life of empire in outer space. *Social Studies of Science*, 32 (5-6): 791-825.

Roberts P., Paglia E. (2016) Science as national belonging: The construction of Svalbard as a Norwegian space. *Social Studies of Science*, 46 (6): 894-911.

Schaffer S. (1994) *From Physics to Anthropology — And Back Again*, Cambridge: Prickly Pear Press.

Schaffer S. (1997) Metrology, metrication, and Victorian values. B. Lightman (ed.) *Victorian Science in Context*, Chicago, IL: University of Chicago Press: 438-474.

Schubel J. R. (2015) Some thoughts on keeping field stations and marine labs afloat in turbulent times. *BioScience*, 65 (5): 458-459.

Schumaker L. (2001) *Africanizing Anthropology: Fieldwork, Networks, and the Making of Cultural Knowledge in Central Africa*, Durham, NC; London: Duke University Press.

Seth S. (2009) Putting knowledge in its place: Science, colonialism, and the postcolonial. *Postcolonial Studies*, 12 (4): 373-388.

Shapin S. (1988) The house of experiment in seventeenth century England. *Isis*, 79 (3): 373-404.

Skrydstrup M. (2016) Of spheres and squares: Can Sloterdijk help us rethink the architecture of climate science? *Social Studies of Science*, 46 (6): 854-876.

Spufford F. (2010) *I May Be Some Time*, London: Faber & Faber.

Street A. (2016) The hospital and the hospital: Infrastructure, human tissue, labour and the scientific production of relational value. *Social Studies of Science*, 46 (6): 938-960.

Tilley H. (2011) *Africa as a Living Laboratory: Empire, Development, and the Problem of Scientific Knowledge*, Chicago, IL: University of Chicago Press.

Tousignant N. (2013) Broken tempos: Of means and memory in a Senegalese university laboratory. *Social Studies of Science*, 43 (5): 729-753.

Weil S. (2002) *Gravity and Grace*, London: Routledge¹.

Рекомендация для цитирования:

Гейсслер П. В., Келли Э. Х. (2021) Дом науки: жизнь и времена тропических и полярных полевых станций. *Социология власти*, 33 (3): 272-297.

For citations:

Geissler P. W., Kelly A. H. (2021) A Home for Science: The Life and Times of Tropical and Polar Field Stations. *Sociology of Power*, 33 (3): 272-297.

Поступил в редакцию: 02.08.2021; принят в печать: 20.08.2021

Received: 02.08.2021; Accepted for publication: 20.08.2021

1 См. также русский перевод: Вейль С. (2008) *Тяжесть и благодать*, М.: Русский путь.